

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

доктор философских наук, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАНУ

АНДРЕЙ ГОРБАЧИК,

кандидат физико-математических наук, декан факультета социологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

ТАТЬЯНА ЛЮБИВАЯ,

магистр социологии, аспирантка Института социологии НАНУ

НАТАЛИЯ ПАНИНА,

доктор социологических наук

ВИКТОРИЯ СЕРЕДА,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Львовского национального университета им. И.Франко

КСЕНИЯ УРСУЛЕНКО,

магистр социологии, социолог Института социологии НАНУ

Субъективная надежность: теория и метод измерения (ИСН)

Abstract

The paper provides a substantiation of the new procedure named 'The Index of Subjective Reliability' (ISR). The authors examine various aspects concerning respondents'

self-estimation of their own reliability revealed in the responses to single questions, sets of questions and to the questionnaire as a whole. The results of questionnaire testing and evaluation in pilot and large-scale studies are also presented.

Социологи давно разделились на два оппозиционных лагеря. Одни поклоняются дискурсу и нарративу, надеясь в собственном воображении и свободном полете мысли других людей отыскать “волшебный ключик” к пониманию социальной реальности. Другие одержимы квантофренией и пылким желанием поверить алгеброй гармонию общественного устройства. И у тех, и у других вполне достаточно аргументов для обоснования несостоятельности оппонентов. Но если для “качественных социологов” никакая критика не страшна по определению, поскольку они, вслед за Протагором, мерой всех вещей признают не число, а человека, то для тех, кто пытается что-нибудь толком измерить в индивидуальном и массовом сознании, упреки в неадекватности измерений — весьма чувствительны. Вот и стараются специалисты по методологии и методам эмпирических исследований обнаружить новые возможности обоснования достоверности социологической информации, представленной в количественной форме. Появление корреляционного, факторного и дисперсионного анализа, дополненное математическим аппаратом, необходимым для четкого определения ошибок выборочного исследования, казалось бы, позволило обеспечить достаточную надежность психологических и социальных измерений, осуществляемых посредством шкальных оценок, полученных в результате применения различного рода опросных процедур. И если бы надежность определялась только характеристиками шкал, то традиционного “джентльменского набора” показателей надежности, характеризующих воспроизводимость и согласованность данных, было бы вполне достаточно для признания той или иной количественной меры надежности измерения. Однако вполне устойчивые и согласованные данные, получаемые по вопросам, “очевидная валидность” которых особых подозрений не вызывает, нередко оказываются крайне далекими от той социальной реальности, которую задумал изучить исследователь.

Это во многом связано с ненадежностью самого человека как инструмента измерения собственных социальных качеств и психологических состояний. Яркий пример такого рода “ненадежности” приводит Г. Батыгин на материалах проведенного им опроса студентов, которым задавались два вопроса: “Часто ли Вы совершаете безнравственные поступки?” и “Часто ли Вам приходится сталкиваться с безнравственными поступками?”. В первом случае вариант ответа “часто” выбрали 3% опрошенных, во втором — 93% [1, с. 114–115]. Аналогичный результат был получен в исследовании Е. Головахи и А. Кроника, которые спрашивали молодых людей о том, каких человеческих качеств не хватает им лично и тем людям, которые их окружают. Оказалось, что себе прежде всего не хватает твердости, решительности и уверенности, а другим — мягкости, доброты и честности [2, с. 108–111]. Дело здесь, разумеется, в том, что вопросы, связанные с самооценкой нравственности, ненадежны в силу их особой чувствительности. Однако чувствительностью вопросов не исчерпывается список причин, по которым человек как инструмент “самоизмерения” оказывается ненадежным. Каким бы надежным сам по себе ни был

“технический” инструментарий опроса (отдельный вопрос или аддитивная шкала), данные исследования могут оказаться недостоверными в связи с личностными особенностями, эмоциональным и физическим состоянием респондента. Кроме того, очень часто ненадежность инструментария определяется и социальной средой, в которой осуществляется измерение. Вполне надежная шкала, разработанная в одних социокультурных условиях, может оказаться ненадежной для людей, социализированных в условиях иной культуры. К примеру, некоторые пункты шкалы Бюгардуса оказались неприемлемыми для многих респондентов в Украине, что потребовало ее специальной адаптации для новых социокультурных условий [3].

В задачу данной статьи не входит рассмотрение всей совокупности факторов надежности. *Наша задача ограничивается изложением результатов разработки метода измерения “субъективной надежности” на основе самооценки респондентами собственной надежности как участников опроса. Решение этой задачи потребовало:*

- анализа понятия “надежность” в ряду категорий, раскрывающих различные аспекты обеспечения качества и достоверности социологической информации,
- обоснования новой категории “субъективная надежность”,
- операционализации показателей, характеризующих отдельные составляющие субъективной надежности,
- построения аддитивной шкалы для измерения индекса субъективной надежности (ИСН) и его апробации в пилотажных и массовых опросах.

О категории “надежность” в социологии

Категория надежности применительно к измерительным процедурам, связанным с получением социологической информации, используется в различных контекстах. Из многочисленных определений надежности, которые можно встретить в методической литературе, самое лаконичное принадлежит П. Алреку и Р. Сеттлу, характеризующим надежность как “свободу от случайных ошибок” (в отличие от валидности как “свободы и от случайных, и от систематических смещений данных социального исследования” [4, с. 64]). При таком понимании надежности, принятом в западной методической литературе, неизбежно следует заключение, к которому пришли Дж. Мангейм и Р. Рич: “Если в предшествующих исследованиях измерение было убедительно валидизировано, мы можем использовать его, не беспокоясь о его надежности” [5, с. 111–112]. Эту позицию отстаивает и российский методолог И. Девятко, подчеркивая, что “ненадежный тест не может быть валидным, а валидный тест всегда надежен” [6, с. 172]. Но если возможно по всем правилам валидизировать методику измерения и при этом не беспокоиться о надежности, то зачем вообще нужна надежность как таковая? Остается только одно допущение: если уж нельзя доказать валидность измерения, то как минимум докажем, что формально оно вполне надежно, хотя и неизвестно, что, собственно, измеряется. Обращаясь к популярной среди специалистов по социальным измерениям аналогии из области “точных наук”, можно задать резонный вопрос — зачем нужна точная линейка, предназначенная для измерения длины, если мы пытаемся с ее помощью измерить температуру? Иными словами, зачем нужно определять степень

надежности, если без доказательства валидности она ничего не означает с точки зрения получения достоверной социальной информации, а после адекватной валидации она уже просто не нужна?

Ответ на эти наивные вопросы можно дать, если трактовать надежность измерения несколько шире, чем показатели устойчивости и воспроизводимости данных. Тем более, что ценность этих показателей именно в социальных измерениях весьма проблематична. Известные способы проверки двух основных составляющих надежности — *воспроизводимости* (корреляция между результатами повторных измерений) и *согласованности* (интеркорреляция для отдельных индикаторов аддитивного индекса) — весьма уязвимы. Обратимся к первому виду надежности, связанному с характеристикой устойчивости данных во времени. “Среди экспертов общепринятым является мнение, — подчеркивает автор фундаментального руководства по дизайну эмпирических социальных исследований Д.Миллер, — что тест-ретестовый индекс является наилучшим измерением надежности” [7, с. 580].

Вполне можно согласиться, что для многих психологических измерений, характеризующих личностные качества индивида и его фундаментальные установки, устойчивость данных во времени — действительно свидетельство надежности измерения. Но уже для измерения психологических состояний, которые, по определению, изменчивы и чувствительны к ситуациям измерения, тест-ретестовая устойчивость — скорее показатель нечувствительности инструментария, чем его надежности. И тем более, устойчивость может оказаться неуместной в тех случаях, когда речь идет о динамичных мнениях, социальных оценках и предпочтениях, которые, как правило, изучают социологи в массовых опросах. Что касается “надежности-согласованности”, то этот показатель, независимо от выбора конкретной статистической процедуры (расщепление или корреляция отдельных признаков с аддитивным индексом), имеет прямое отношение к валидности измерения (так называемая “конвергентная” валидность), поскольку корреляции в данном случае свидетельствуют о том, что отдельные признаки измеряют, хотя и в разных ракурсах, но одно и то же явление. Тот же Миллер не считает согласованность (гомогенность) признаком надежности, выделяя ее как отдельный критерий оценки шкалы, предназначенной для социального измерения.

Но и расширительные толкования надежности вносят дополнительную путаницу в понятийный аппарат, связанный с оценкой качества социологической информации. Так, в “Рабочей книге социолога”, которая в советские времена должна была стать настольной книгой социолога-эмпирика, в качестве составляющих “надежного измерения” рассматривались не только устойчивость информации, но и ее “правильность” и “обоснованность”, а в задачу определения надежности включалась процедура выявления систематических ошибок. По сути, обоснование валидности рассматривалось как частный случай доказательства надежности измерения [8, с. 233–235]. Такое понимание категорий “надежность” в советской социологии связано с работами Г.Саганенко и В.Воловича [9; 10]. Этой же позиции придерживается и ведущий украинский методолог В.Паниотто, который в “Социологическом справочнике” определяет валидность как одну из составляющих надежности социологической информации [11, с. 195].

Взаимоисключающие подходы к определению содержания категорий надежности и валидности во многом обуславливают и неопределенность в

понимании того, что, собственно, должно быть надежным — процедура измерения, измерительный инструмент (шкала) или данные, полученные в результате измерения. В методической литературе и справочниках можно встретить либо все три варианта использования термина “надежность”, либо акцентирование внимания на одном-двух из них. Вообще-то, неоднозначность понимания категории “надежность” имеет давнюю традицию. Еще в середине прошлого века Р. Мертон, призывая европейских социологов больше внимания уделять надежности, использовал этот термин применительно и к исследовательскому процессу, и к анализу данных [12, с. 449–453]. Современные авторы некоторых популярных социологических словарей определяют надежность как категорию, характеризующую и собранные данные, и инструмент, и процедуру измерения [13, с. 413; 14, с. 562], тогда как в других словарях последних лет речь идет исключительно о надежности инструментария (теста, шкалы и т. п.) [15, с. 258; 16, с. 356].

Что касается русскоязычной литературы, то ее авторы вносят свой вклад в терминологическую путаницу, почему-то переводя термин “reliability” как “достоверность” [17, с. 106]. В результате, определение надежности в российском переводе словаря Д. Джери и Дж. Джери приобретает совсем уже непостижимый характер: “Достоверность (reliability) — надежность собранных данных либо испытания или оценки, их сбора” [18, с. 194]. Словесная эквилибристика, не соответствующая правилам русского языка, в данном случае как нельзя лучше отражает сложившуюся ситуацию с определением надежности в отечественной методической литературе.

Об этой ситуации писал В. Ядов: “В советской литературе нет единообразия в толковании термина “надежность” применительно к социологической информации. Главная причина состоит в том, что одни авторы трактуют надежность слишком расширительно как качество всего исследования и, следовательно, его итогов, а другие, напротив, отождествляют надежность с тем или иным способом ее проявления (например, с устойчивостью данных, их адекватностью целям исследования и т. п.)... в строгом смысле слова понятие надежности измерения правомерно относить именно к инструменту, с помощью которого производится измерение, но не к самим данным, подлежащим измерению. В отношении данных, как и заключительных выводов из исследования, правильнее говорить, что они достоверны (или относительно достоверны)” [19, с. 76]. Вряд ли есть основания не согласиться с ведущим методологом России в том, что нужно разделить категории достоверности данных и надежности инструмента измерения. Такая позиция позволяет хотя бы четко отделить надежность от валидности и достоверности следующим образом: *инструмент измерения (отдельный индикатор, аддитивная шкала, тест и т. п.) должен быть надежен, процедура измерения (на всех этапах, включая и разработку инструментария) — валидна, полученные данные — достоверны.*

К обоснованию понятия “субъективная надежность”

Впрочем, и при таком понимании соотношения категорий достоверности, валидности и надежности остается открытым вопрос о самостоятельном значении надежности, поскольку создавать надежные инструменты для необоснованных измерений не только бессмысленно, но и, по-своему, вредно (значительные силы и средства по обоснованию надежности могут быть по-

трачены на получение недостоверных данных). Не случайно авторы фундаментального руководства по измерению социальных установок, Дж.Робинсон и Ф.Шейвер называют надежность одним из наиболее двусмысленных (неопределенных) терминов психометрики [20, с. 10]. Во многом это происходит потому, что инструментарий измерения в социальных исследованиях, как правило, сводится исключительно к техническому средству измерения — шкале, тогда как и сам человек, фиксирующий на этой шкале свои мнения и оценки, — это тоже инструмент измерения, хотя и весьма специфический.

Нельзя сказать, что об этом вообще никто не пишет. Есть работы, в которых данный вопрос специально рассматривается. “В социологическом или психологическом измерении, — подчеркивает С.Д.Хайтун, — человек используется как “прибор” напрямую, выступая здесь респондентом или экспертом” [21, с. 23]. Из человеческой природы прибора в социальном измерении, по его мнению, проистекает слабая воспроизводимость результатов измерения значений индикатора. Отсюда и многочисленные проблемы с объективными показателями устойчивости и согласованности данных. Но “человеческие слабости”, с точки зрения надежности измерения, отчасти могут компенсироваться за счет уникальной способности человека выступать в роли субъекта оценки собственной надежности. И в том случае, если субъективные оценки подтвердят объективные показатели надежности, появляются дополнительные основания утверждать, что измерение осуществляется “надежным инструментарием”. Такой подход к пониманию и измерению надежности требует создания методической процедуры, позволяющей респонденту разносторонне оценивать свою надежность при интервьюировании. Разумеется, для социолога, ориентированного прежде всего на выборочные исследования, вопрос о надежности респондента может показаться “лишней проблемой”, учитывая, что каким бы “надежным” ни был потенциальный респондент, он должен иметь, по возможности, равную вероятность попадания в выборку с самым “ненадежным”. Однако необходимость измерения “субъективной надежности” обусловлена, конечно же, не перспективой подбора “нужных” респондентов, но возможностью создания и коррекции вопросов, шкал и тестов, которые позволяют как можно большему числу людей почувствовать в роли респондентов собственную надежность.

Известно, что на достоверность социологической информации, получаемой опросными методами, существенно влияют факторы, зависящие от респондента: его искренность, заинтересованность, знания, готовность к сотрудничеству, правильность понимания заданных вопросов, способность сосредоточиться на выполнении задания, абстрагироваться от помех и влияния окружающих. Разработан и ряд методических процедур, позволяющих выявлять отдельные показатели “степени надежности” человека в том случае, когда он выступает в роли респондента.

Традиция выяснения степени компетентности респондента относительно темы исследования берет начало с 1950-х годов, когда была разработана так называемая воронка Геллапа. В дальнейшем использование вопросов-фильтров для определения “надежности” респондента как “прибора”, способного продуцировать сформированное мнение, а не спонтанную реакцию на форму и ситуацию опроса, стало распространенной практикой в работе ведущих опросных служб и академических центров [22, с. 42].

Особое внимание в методической литературе уделяется использованию *контрольных вопросов*, которые “в измененной формулировке, маскирующей их истинный смысл, нацелены на проверку искренности респондента” [23, с. 85]. Уровень искренности ответов респондента изучается на основе *анализа отсутствующих ответов* на вопросы анкеты [24] или посредством экспертных оценок [25]. Последний метод предполагает оценку интервьюерами по специальным шкалам реакций респондента на вопросы анкеты — его свободы или напряженности при ответе на эти вопросы, его заинтересованности темой интервью, его отношения к ситуации опроса и т. д. Экспертные методы применяются для определения не только искренности, но и степени заинтересованности респондентов, их самостоятельности (независимости от подсказок интервьюера) [26, с. 98–99]. Иногда используется метод комбинированной проверки респондента “на компетентность”, когда экспертные оценки интервьюеров сопоставляются с самооценками респондентов [27, с. 630].

Наличие знаний, необходимых для ответа на вопросы интервью, определяется не только вопросами-фильтрами, но и опосредованно — на основании анализа отказов отвечать на вопросы и выбора вариантов “затрудняюсь ответить”, “не знаю”, “не интересуюсь”. Примером может служить “*opinion index*”, который рассчитывался для каждого респондента как количество ответов, данных им на вопросы анкеты, и коррелировал с уровнем образования респондента [28, с. 388].

Другая стратегия проверки “надежности” респондента — так называемые “*вопросы о вопросах*”. Вопросы о вопросах используются социологами для оценки искренности, устойчивости, адекватности ответов респондента, чувствительности вопросов, утомляемости респондентов в процессе интервью и др. Примером может служить исследование, в ходе которого респондентам предлагалось повторно ответить на ряд вопросов через 2–3 недели после интервьюирования. В первый раз их просили дать максимально искренние ответы (“для себя”), а во второй раз — ответить так, как если бы они не были уверены в конфиденциальности опроса и не доверяли интервьюеру [29, с. 93]. Особенно популярны “вопросы о вопросах” в тех случаях, когда изучаются особенности восприятия респондентом чувствительных вопросов, касающихся тем, способных вызвать неловкость и негативные реакции [30, с. 224].

Л. Шарп и Дж. Френкель использовали специальный блок вопросов с целью определения того, насколько ежегодное исследование домохозяйств (*Annual Housing Survey*), которое проводится с помощью метода интервью, утомляет респондентов и является для них обременительным. Для этого были выделены два типа индикаторов утомляемости (незаинтересованности, напряженности) респондентов: *объективные*, которые фиксировались интервьюером (количество прерванных по инициативе респондента интервью, количество отказов отвечать, выбор варианта ответа “не знаю” и т. д.), и *субъективные*, которые, собственно, и являются вопросами к респондентам об опроснике и интервью в целом. С помощью субъективных индикаторов определялся интерес респондентов к интервью, легкость заполнения опросника, удовлетворенность от интервью, важность интервью и т. п. [31, с. 43]. Ч. Ф. Кеннел и М. Аксельрод изучали реакции респондентов на интервью с точки зрения точности, правильности сообщаемой информации. Исследование было организовано таким образом, что после проведения обычного опроса каждому респонденту отсылалось письмо, включавшее 10 вопросов

относительно его реакции на беседу с интервьюером. Среди этих вопросов были и такие: “Насколько интересным для Вас было интервью?”, “Хотели бы Вы еще раз принять участие в интервью?”, “Были ли в анкете вопросы, которые, по Вашему мнению, слишком личные?” и др. [32].

Одна из существенных проблем, опосредованно связанная с надежностью, заключается в необходимости генерализовать в формулировке вопросов индивидуальный опыт отдельных респондентов до опыта больших социальных групп и его чрезмерном обобщении. Соответственно, часто не учитывается или вовсе утрачивается опыт тех маргинализованных индивидов/групп, чье существование остается “незамеченным” на фоне макросоциальных процессов и официальных идеологий, поскольку их жизненный мир считается либо несущественным, либо “недосягаемым” в плане возможности его исследования. Умение услышать голос маргинализованной группы (например, этнических или религиозных меньшинств) требует от исследователя и интервьюера дополнительных усилий и навыков, поскольку опыт этих респондентов трудно вписать в обобщенную терминологию или формализованный перечень ответов. Процесс исследования опыта маргинализованных групп включает отбор таких стратегий “слушания” (то есть соответствующего поведения интервьюера, методов интервьюирования, формулировки вопросов), которые позволяют “услышать” ответ тех, кто был лишен голоса, кто вынужден рассказывать о своем опыте на “языке” доминантной группы, которым он не всегда владеет или в котором отсутствуют средства, с помощью которых можно было бы хоть как-то артикулировать замалчиваемый опыт. Подобное исследование включает также анализ накладываемых исследователем рамок в силу конструирования предмета обсуждения и учета трудностей, которые при этом могут возникать, а также предполагает согласование моделей объяснения, применяемых интервьюером и респондентом. Исходя из этого, в опросе следует предусмотреть возможность для респондентов сообщить о проблемах, с которыми они сталкиваются, отвечая на вопросы. Такой стратегией может быть тест субъективной надежности, способный не только фиксировать формальную “ненадежность” респондента (или определенной категории респондентов), но и заострять внимание исследователя на проблемах, приводящих к недостаточной надежности ответов представителей тех или иных маргинальных групп.

Даже если исследователю удастся “услышать” и зафиксировать опыт маргинализованной группы, возникает проблема его “перевода” на язык научного сообщества путем обработки результатов исследования, включая кодировку, моделирование, анализ и “монтаж” результатов в исследовательский текст, учитывая при этом “прочтение” текстов аудиторией. По мнению Р.Хэна, важными предпосылками достоверности полученных ответов должны быть: 1) использование именно таких вопросов, в которых каждый рядовой респондент компетентен; 2) соответствующий инструментарий, дополнительно позволяющий определять и фиксировать вариации между отдельными респондентами в каждом вопросе [33].

Другая проблема, связанная с субъективными факторами надежности, — неспособность респондента правильно ответить на вопрос. Например, когда трудно оценить явление, о котором спрашивают, или же в ситуации, когда человек оказывается некомпетентным и не хочет этого показать. Уро-

вень восприятия и рефлексии респондента, его социокультурная компетентность тоже могут влиять на умения и возможности в плане формулировки ответа должным образом. Например, американский социолог Ф. Блумстейн обнаружил связь между вероятностью совпадения моральной оценки определенной деятельности и стереотипным приписыванием этих действий отдельным акторам [34]. Его гипотеза, которую он позже подтверждает, заключается в том, что безнравственное поведение “доброе” человека получает более негативную оценку, чем безнравственное поведение “злого”, и наоборот. Следовательно, оценка одного и того же поведения разных акторов или социальных групп может давать существенные расхождения в ответах.

Еще одна процедурная проблема, которая также может влиять на надежность, а значит, должна учитываться исследователями, — это мотивация респондентов к участию в опросе. Как считает Р. Хэн, опрос будет успешным, если участник искренне заинтересован. Исследователь должен учитывать различные мотивы участия респондентов в исследовании, способные влиять на их ответы [33]. Р. Хэн предлагает заменить стандартную анкету записанными интервью-анкетированием в форме обычного разговора. Он призывает исследователей уделять больше внимания “антропологии коммуникации” и в процессе опроса применять технику “размышлений вслух над ответом”. По его мнению, такой метод помогает исследователям выявлять трудности, возникающие в процессе понимания вопроса и поиска ответов респондентами. Однако здесь возникает проблема способов фиксации таких размышлений респондента, их обработки и дальнейшего учета в процессе анализа ответов.

Иную стратегию предлагает М. Литвин. В своей книге “Как измерять валидность и надежность социологических опросов?” он описывает методику Шумана [35, с. 44], заключающуюся в использовании уточняющих открытых вопросов-продолжений (*open follow-ups*) в рандомизированных зондажах (интервьюер случайно выбирает вопросы). Или же исследователь сам определяет вопросы или определенные категории респондентов, в отношении которых должны задаваться уточняющие вопросы-продолжения, как, например:

- Могли бы Вы рассказать мне немного больше, что именно Вы имели в виду?
- Не могли бы Вы рассказать мне немного больше, о чем именно Вы думали?
- Можете привести пример?

Такой зондаж позволяет обнаруживать “проблемные места” в ответах респондентов и определять группу людей, для которых вопрос был не совсем понятен, существенно помочь социологу в процессе обработки данных и интерпретации полученных ответов.

Важным для нашей работы выводом из указанных выше работ является то, что любое социологическое исследование базируется на процессе постоянного взаимодействия и коммуникации между социологом, с одной стороны, и, с другой — индивидами/группами, попадающими в фокус его исследовательских интересов. Даже на этапе подготовки исследовательского инструментария социолог вынужден постоянно “сверять” свою теоретико-методологическую схему измерения явления, которое планируется изучить, с

субъективным миром его респондентов. Такого рода воображаемый диалог с будущими респондентами помогает сделать инструментарий более доступным, что, в свою очередь, влияет на точность измерения социального явления. Однако уже на этапе оценки надежности респонденты и их мнение часто “выпадают” из поля зрения исследователя, они лишаются “голоса”. Из-за этого пробела возникает необходимость в использовании еще одного дополнительного критерия оценки надежности — в учете мнения самого респондента, его субъективного восприятия объективных явлений, дополненным умением социолога перевести это восприятие на язык социологической методик, которая и должна обеспечить то, что мы называем “субъективной надежностью”.

Подводя итоги анализа методической литературы, можно утверждать, что в работах, фиксирующих отдельные оценки респондентов по вопросам, связанным с интервью, существенное место занимает метод “самооценки надежности”, когда респондент определяет степень своей компетентности, заинтересованности и готовности к сотрудничеству с социологами. Но до сих пор нет методик, позволяющей получать интегральную оценку того феномена, который мы предлагаем называть “субъективной надежностью”, понимая ее как интегральную оценку респондентом самого себя как надежного источника социальной информации.

Анализ методической литературы и обобщение многолетнего опыта проведения массовых опросов позволяют выделить в концепте субъективной надежности следующие компоненты, подлежащие самооценке: (1) *понятность* инструмента опроса или его части; (2) *достаточность знаний* для ответа на вопрос или блок вопросов; (3) *интерес* к теме опроса; (4) *уверенность в выборе* наилучшего варианта ответа на поставленные вопросы; (5) *устойчивость* собственного мнения; (6) *независимость* мнения от окружающих; (7) возможность *искренне отвечать на данные вопросы*. При этом предполагается, что измерение концепта субъективной надежности может строиться на самооценках, имеющих отношение к отдельным вопросам, к блокам вопросов или к опроснику в целом.

Возможность построения аддитивного индекса субъективной надежности, интегрирующего перечисленные выше индикаторы, основывается на том, что отдельные аспекты отношения к выполнению того или иного задания (а интервью, по сути, — это добровольное выполнение респондентом задания интервьюера), как правило, согласованы в той мере, в какой существует согласованность проявлений личности в ее отношении к выполняемому делу. Мы исходили из следующего предположения: если человек проявляет, например, искренне добросовестное отношение к делу, то он всегда найдет в нем определенный интерес, постарается мобилизовать свои знания и навыки, проявить определенную независимость суждений, сосредоточиться на выполнении задания таким образом, чтобы быть уверенным в своих ответах в данный момент и при возможном повторном тестировании. Именно такая гипотеза была заложена в процедуру построения аддитивного индекса субъективной надежности (ИСН), которая первоначально проверялась в ходе пилотажного опроса целевой группы из 100 респондентов с различным уровнем образования — от начального до высшего, с равным половым и пропорциональным населению возрастным составом. Для пилотажа были отобраны два содержательных вопроса, касающихся самоидентифи-

кации и геополитических оценок, а также разработана шкала для фиксации отдельных аспектов субъективной надежности применительно к обоим вопросам (см. Приложение 1). В инструментарий пилотажного опроса также была включена “шкала лжи” (L-шкала) из опросника ММРІ. Предполагалось, что отсутствие значимой корреляции между показателями “шкалы лжи” и индексом субъективной надежности может свидетельствовать о том, что “субъективная надежность” является специфическим показателем, характеризующим не склонность респондента к демонстрации той или иной меры “социальной желательности” ответов, а его способность адекватно оценивать свою надежность как респондента.

Результаты пилотажного опроса показали, что коэффициент надежности α Кронбаха для аддитивного индекса составил около 0,8, что свидетельствовало о возможности построения интегрального индекса. Апробация различных модификаций методики измерения ИСН осуществлялась в 2006–2007 годах в рамках проведенных Институтом социологии НАН Украины и Центром социальных и политических исследований “СОЦИС” опросов общественного мнения населения Украины “Омнибус–2006” и “Омнибус–2007”. В этих исследованиях была использована многоступенчатая случайная выборка с квотным отбором респондентов на последнем шаге, репрезентирующая взрослое население Украины (не моложе 18 лет) по полу, возрасту и образованию. Объем выборочной совокупности в каждом опросе составил 1800 человек.

Построение и статистический анализ индекса субъективной надежности (ИСН)

В анкету исследования 2006 года был включен блок вопросов, касающихся оценки респондентами своего восприятия двух достаточно разных содержательных вопросов, использованных в пилотажном исследовании. С целью измерения субъективной надежности для каждого из этих двух содержательных индикаторов респондентам было предложено ответить на семь вопросов методики. На основе ответов респондентов на эти семь вопросов (см. Приложение 1) было создано два блока дихотомических переменных. Один блок измерял компоненты субъективной надежности для вопроса о самоидентификации, а второй — для вопроса о внешнеполитических ориентациях. Оба блока оказались достаточно внутренне согласованными, чтобы можно было построить соответствующие аддитивные индексы (по сумме дихотомических переменных из соответствующего блока). Оба блока характеризуются одинаковым значением коэффициента надежности α Кронбаха: $\alpha = 0,79$. Это значение достаточно высокое для того, чтобы можно было, во-первых, говорить о концепте субъективной надежности по отношению к каждому из двух содержательных вопросов и, во-вторых, измерять эти концепты соответствующими аддитивными индексами. Интересно то, что показатель надежности (α Кронбаха) одинаков для обоих инструментальных измерений, невзирая на то, что вопросы, для которых измеряется ИСН, существенно различаются по целому ряду параметров (предмет, которого касается вопрос; количество вариантов ответа; сложность и т. п.). Интересно и то, что оба аддитивных индекса (ИСН₁ — показатель для вопроса о самоидентификации и ИСН₂ — показатель для вопроса о внешнеполитических

ориентациях) высоко коррелируют между собой (коэффициент корреляции Пирсона $r_{12} = 0,80$). Такая высокая корреляция позволяет говорить о концепте субъективной надежности респондента как не связанном с определенным конкретным вопросом из инструментария исследования.

Методика такова, что каждый оценочный вопрос касается и вопроса о самоидентификации, и вопроса о внешнеполитических ориентациях. Анализ распределений этих оценок показывает, что подавляющее большинство респондентов (от 90% до 98%) одинаково оценили оба вопроса. Например, 91,5% респондентов одинаково оценили понятность смысла обоих содержательных вопросов, 93% — достаточность своих знаний для ответа на оба вопроса, 93% — свой интерес к обоим вопросам. То, что респондент в какой-то степени “одновременно” (в пределах одного ответа) оценивает сразу два вопроса, может также быть основанием для определения корреляции оценок, поэтому важно посмотреть, в какой мере коррелируют оценки вопросов или блоков вопросов, содержательно мало связанных между собой и “не прикасающихся” в анкете.

В анкету опроса 2006 года тоже был включен блок вопросов об отношении респондента к НАТО, а также вопросы для самооценки респондентом собственной надежности, в которых использовалась пятибалльная шкала, подобная шкале Лайкерта (формулировки вопросов см. в Приложении 2). Самооценки надежности позволяли определять значение ИСН для блока содержательно связанных между собой вопросов. Данные самооценок оказались достаточно высоко согласованными между собой (коэффициент надежности α Кронбаха достаточно высок, $\alpha = 0,78$), что позволяет вычислить аддитивный индекс субъективной надежности для содержательного блока вопросов об отношении к НАТО в целом — ИСН₃. Показатель ИСН₃ достаточно высоко коррелирует с построенными ранее показателями ИСН₁ ($r_{13} = 0,54$) и ИСН₂ ($r_{23} = 0,57$), но существенно меньше, чем коррелируют между собой ИСН₁ и ИСН₂ (см. выше). Как видно отсюда, увеличение “расстояния” между вопросами в анкете действительно отрицательно влияет на корреляцию ИСН для этих вопросов. С учетом того, что корреляция между показателями ИСН для разных вопросов не абсолютна даже для вопросов, расположенных рядом, это позволяет сделать предварительный вывод о том, что ИСН характеризует не только респондента, но и определенные свойства инструмента опроса (иными словами, значение ИСН зависит не только от респондента, но и от инструмента опроса).

Мы рассмотрели также связь между ИСН и уклонением респондентов от конкретных ответов. В качестве свидетельства такого желания уйти от ответа выступает выбор варианта “трудно сказать”. Логично предположить, что подобная неопределенность ответа связана с невысокой субъективной надежностью.

В вопрос о внешнеполитических ориентациях был включен вариант ответа “трудно сказать”, который выбрали около 11% респондентов. Как показывают результаты однофакторного дисперсионного анализа, в группе респондентов, которые выбрали данный вариант ответа (и таким образом, по сути, уклонились от конкретного ответа), средний показатель субъективной надежности для этого вопроса ИСН₂ существенно ниже, чем в остальных группах (см. табл. 1). При этом между всеми группами респондентов, выбравших другие варианты ответа на этот вопрос, значимых различий

среднего значения индекса субъективной надежности нет (исключение составляют только группы сторонников расширения связей с СНГ и сторонников укрепления восточнославянского блока).

Таблица 1

Средние значения ИСН для групп респондентов, одинаково ответивших на вопрос: “Какому пути развития Украины Вы отдаете предпочтение?”

Варианты ответа	N	%	Среднее ИСН ₁	Стандартное отклонение ИСН ₁	Среднее ИСН ₂	Стандартное отклонение ИСН ₂	Среднее ИСН ₃	Стандартное отклонение ИСН ₃
В первую очередь развивать связи в рамках СНГ	290	16,2	6,09	1,51	5,88	1,58	5,31	1,33
Развивать отношения преимущественно с Россией	161	9,0	5,83	1,85	5,80	1,84	5,21	1,40
Укреплять в первую очередь восточнославянский блок (Украина, Россия, Беларусь)	510	28,4	6,28	1,30	6,28	1,28	5,54	1,29
Устанавливать связи в первую очередь с развитыми странами Запада	270	15,1	6,36	1,18	6,10	1,32	5,45	1,34
Опирается в первую очередь на собственные ресурсы, укрепляя независимость	329	18,3	6,10	1,47	5,99	1,47	5,25	1,27
Разные регионы Украины должны выбирать свой путь	35	1,9	5,26	2,17	5,11	2,22	4,98	1,73
Другое	6	0,3	6,17	0,75	6,00	0,63	5,64	0,95
Трудно сказать	191	10,7	4,64	2,11	3,71	1,95	4,25	1,77
ВСЕГО	1792	100,0	5,99	1,61	5,80	1,70	5,26	1,42

Схожие тенденции демонстрируют и показатели ИСН₁ и ИСН₃, которые построены применительно к другим частям анкеты (вопрос о самоидентификации и блок вопросов о НАТО, соответственно). Как видно из таблицы 1, группа респондентов, которые ушли от конкретного ответа на вопрос о внешнеполитических ориентациях, имеет наиболее низкие значения показателя ИСН, не только рассчитанного для данного вопроса, но и для вопроса о самоидентификации и для блока вопросов о НАТО. При этом наименьшее значение в группе тех, кто выбрал ответ “трудно сказать” для вопроса о внешнеполитических ориентациях, имеет как раз ИСН₂, хотя общее (для всей выборки) среднее значение данного индекса для вопроса о внешнеполитических ориентациях (ИСН₂) — значительно выше, чем для вопроса о НАТО (ИСН₃). Мы провели подобное сравнение средних также и для групп респондентов, одинаково ответивших на вопросы о НАТО. И здесь в группах рес-

пондентов, которые колебались с ответом на тот или иной вопрос о НАТО, среднее значение всех трех показателей ИСН также было ниже, чем в остальных группах. При этом различие было максимальным для показателя ИСН₃, относящегося как раз к блоку вопросов о НАТО. Иными словами, есть связь между сомнениями по поводу ответа на вопрос анкеты и показателем субъективной надежности (те, кто уходит от ответа, в целом как группа характеризуются более низкой субъективной надежностью). Эта тенденция имеет место для показателей субъективной надежности, рассчитанных для разных вопросов, но более ярко она проявляется для показателя, относящегося к тому вопросу, об уклонении от конкретного ответа на который идет речь.

Мы также рассмотрели связь между показателем ИСН₃ и количеством выборов варианта “трудно сказать” в блоке вопросов о НАТО. Достаточно высокий отрицательный коэффициент корреляции ($r = -0,53$) свидетельствует о том, что и “внутри” блока вопросов о НАТО есть связь между субъективной надежностью и выбором такого варианта ответа — чем выше субъективная надежность респондента, тем реже он уходит от конкретного ответа на поставленный вопрос.

Итак, мы имеем три измерения ИСН: два — относительно отдельных вопросов и одно — относительно содержательного блока вопросов. Эти три измерения достаточно высоко коррелируют, что позволяет выдвинуть гипотезу о существовании свойства субъективной надежности безотносительно к содержанию и форме конкретных вопросов и измерить его. Трех скоррелированных измерений достаточно для применения факторного анализа. Факторный анализ (метод главных компонент), примененный к трем отдельным значениям ИСН, позволяет выделить один фактор, описывающий 76% общей дисперсии.

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок для анализа трех измерений концепта субъективной надежности (2006 год)

	F_1
ИСН ₁	0,903
ИСН ₂	0,916
ИСН ₃	0,790

Выделенный фактор аккумулирует в себе значительную долю общей дисперсии трех измерений ИСН, и его можно рассматривать как интегральный индекс субъективной надежности, не связанный с конкретным вопросом или блоком вопросов в опроснике. С другой стороны, этот фактор очень высоко коррелирует с обычной суммой трех измерений ИСН, на основе которых он построен ($r = 0,96$). Кроме того, вся совокупность индикаторов, из которых построены три измерения ИСН (14 дихотомических индикаторов и 7 индикаторов, измеренных по 5-балльной шкале), достаточно высоко внутренне согласована. Коэффициент надежности α Кронбаха для всей совокупности индикаторов достаточно высок ($\alpha = 0,85$). Все это в совокупности позволяет утверждать, что простая сумма трех измерений ИСН дает такой же результат измерения, как и выделенный фактор. Иными словами, мы будем рассматривать сумму трех измерений субъективной надежности как интегральный индекс, не связанный с конкретным вопросом или блоком вопросов

в опроснике. Посредством простых линейных преобразований мы получили индекс с диапазоном значений от 1 до 5 (большее значение индекса означает большую уверенность респондента в собственных ответах, большую субъективную надежность респондента как источника информации в опросе).

Пока нет опыта использования этого инструмента измерения (чтобы можно было говорить о динамике изменения), мы не имеем норм для построенного ИСН, и поэтому в интерпретациях значений индекса мы можем опираться только на эмпирическое распределение. Для данных исследования 2006 года среднее значение такого интегрального индекса равно 4,22 с достаточно узким доверительным интервалом (для доверительной вероятности 0,95 имеем доверительный интервал $4,22 \pm 0,03$). Медианное значение индекса равно 4,33 (то есть у половины выборки показатель не больше 4,33, а у другой половины — не меньше этого значения). Представленное в таблице 3 децильное распределение индекса показывает, что распределение существенно смещено вправо (большинство значений находится достаточно близко к правому полюсу шкалы).

Таблица 3

Децильное распределение значений интегрального индекса ИСН (2006 год)

1-й дециль	2-й дециль	3-й дециль	4-й дециль	5-й дециль	6-й дециль	7-й дециль	8-й дециль	9-й дециль
3,29	3,67	3,95	4,14	4,33	4,52	4,71	4,81	5,00

В инструмент опроса 2006 года была включена “шкала лжи” (L-шкала) из опросника ММРІ. Показатель надежности для этой шкалы (α Кронбаха), полученный в нашем опросе, достаточно высок ($\alpha = 0,76$), а индекс “лжи” не имеет статистически значимых корреляций с рассмотренными выше измерениями концепта субъективной надежности. Это позволяет утверждать, что ИСН измеряет концепт, существенно отличающийся от того, который измеряет L-шкала опросника ММРІ.

- Построенный для данных 2006 года ИСН имеет следующие свойства:
- не фиксируется статистически значимая связь между субъективной надежностью респондента и его возрастом; коэффициент корреляции Пирсона $r = -0,03$ статистически не значим на уровне $p < 0,05$;
 - респонденты с более высоким образованием имеют тенденцию демонстрировать более высокий уровень субъективной надежности; индекс статистически значимо на уровне $p < 0,01$ положительно коррелирует с уровнем образования респондента ($r = 0,14$);
 - респонденты с более высоким уровнем доходов имеют тенденцию демонстрировать более высокий уровень субъективной надежности; индекс не сильно, но статистически значимо на уровне $p < 0,01$ положительно коррелирует с уровнем доходов респондента ($r = 0,1$);
 - жители городов демонстрируют более высокий уровень субъективной надежности в сравнении с сельскими жителями; средние значения индекса в соответствующих группах различаются статистически значимо на уровне $p < 0,05$;
 - работающие респонденты демонстрируют более высокий уровень субъективной надежности в сравнении с неработающими; средние

значения индекса в соответствующих группах различаются статистически значимо на уровне $p < 0,05$.

Мы рассмотрели также количество выборов респондентом вариантов ответа “трудно сказать” (уклонение от конкретного ответа) и отказов от ответа на вопросы анкеты. Этот показатель характеризует сложность анкеты для респондента. Чем чаще респондент избегает конкретного ответа или вообще не дает ответа, тем более сложна для него анкета. Эта сложность может быть связана с тематикой вопросов, с отсутствием у респондента определенного мнения, с неинформированностью респондента о рассматриваемой в вопросе теме, с плохой (неоправданно сложной, непонятной) формулировкой вопроса и т. п. Если респондент адекватно оценивает сложность для него анкеты, то должна быть корреляция между его оценкой собственной надежности (способности быть источником надежной информации) и сложностью вопроса или анкеты в целом. И эта корреляция действительно зафиксирована в данных 2006 года ($r = 0,39$).

В исследовании 2007 года была сделана попытка оценить субъективную надежность по отношению ко всей анкете омнибусного исследования. С этой целью в заключительной части опросника были помещены шесть вопросов, измеряющих на дихотомическом уровне основные компоненты концепта субъективной надежности (понятность вопросов, достаточность знаний для ответа, интерес к теме, полнота списка вариантов ответов, самооценка устойчивости собственного мнения, самооценка независимости собственного мнения от окружающих) и сформулированных относительно “большинства вопросов анкеты” (полные формулировки соответствующих вопросов приведены в Приложении 3). Эти шесть дихотомических признаков оказались достаточно согласованными (коэффициент надежности α Кронбаха: $\alpha = 0,68$), чтобы можно было построить соответствующий аддитивный индекс для этих данных.

Применяя простые линейные преобразования, мы получили аналогичный описанному выше индекс с диапазоном значений от 1 до 5.

Большинство вопросов в анкете исследования 2007 года не совпадают с анкетой исследования 2006 года. Однако по длине (количество вопросов), сложности формулировок вопросов, тематическому разнообразию инструменты этих двух исследований подобны. Более того, по сложности (измеренной для каждого респондента как количество выборов ответа “трудно сказать” плюс количество отсутствующих ответов) анкеты 2006 и 2007 годов очень близки. В данных 2007 года корреляция субъективной надежности со сложностью анкеты ($r = 0,35$) мало отличается от соответствующей корреляции в данных 2006 года ($r = 0,39$).

Вместе с тем оба опроса проводились по схожим выборкам. Хотя в исследовании 2007 года индекс СНР измерялся не совсем таким же инструментом, что и в 2006 году, результаты двух измерений для двух подобных по структуре и сложности анкет достаточно близки. Доверительный интервал для среднего значения ИСН, измеренного на основе данных исследования 2007 года (для доверительной вероятности 0,95 имеем доверительный интервал $4,26 \pm 0,04$), близок к результатам измерения на данных 2006 года. Поскольку в 2006 и 2007 годах опрашивались разные люди, но выборки по основным социально-демографическим параметрам в обоих исследованиях были подобны, можно предположить, что индекс ИСН связан не с индиви-

дуально-психологическими, а с социальными характеристиками респондентов. И действительно, в данных исследования 2007 года значение ИСН так же, как и в данных 2006 года, положительно коррелирует с образованием ($r = 0,22$, коэффициент значим на уровне $p < 0,01$) и уровнем дохода ($r = 0,12$, коэффициент значим на уровне $p < 0,05$). В исследовании 2007 года, как и в исследовании 2006 года, жители города демонстрируют более высокое значение ИСН в сравнении с жителями села. Среднее значение ИСН в группе работающих статистически значимо выше, чем в группе неработающих.

То, что мы имеем два близких по своим значениям измерения для двух содержательно подобных анкет, может рассматриваться как аргумент в пользу надежности построенных инструментов и устойчивости ИСН. Кроме того, более ярко выраженная связь индексов субъективной надежности, построенных для отдельных вопросов или блоков вопросов, с уклонением от ответа именно на данный вопрос или блок вопросов позволяет выдвинуть гипотезу о существовании внутренней структуры ИСН, состоящей, по крайней мере, из двух компонентов: 1) связанного с социальными характеристиками респондентов, 2) связанного с темой исследования и особенностями инструмента опроса. Для подтверждения (или опровержения) этой гипотезы необходимы более сложные методические эксперименты. Кроме того, не только теоретический, но и практический интерес представляет разработка методов учета субъективной надежности источников информации при интерпретации результатов анализа собранных данных. В частности, речь может идти о разработке методов построения и учета в ходе анализа специальных весов, характеризующих субъективную надежность отдельных респондентов по отношению как к конкретному вопросу, так и к инструментарию опроса в целом.

Для более обоснованных выводов относительно технологии измерения концепта субъективной надежности необходимы дальнейшие методические эксперименты и накопление опыта использования соответствующих инструментов, что позволит, с одной стороны, уточнить объем концепта субъективной надежности, а с другой — дать более четкую интерпретацию конкретных интервалов значений индекса. В целом ИСН может рассматриваться не только как характеристика инструмента (понятности анкеты, актуальности тематики исследования для респондентов и т. п.), но и как показатель достоверности информации, полученной в ходе исследования.

Приложение 1

1. Кем Вы себя в первую очередь считаете? (Отметьте один наиболее подходящий вариант ответа)

- 1 — Жителем села, района или города, в котором Вы живете
- 2 — Жителем региона (области или нескольких областей), где Вы живете
- 3 — Гражданином Украины
- 4 — Представителем своего этноса, нации
- 5 — Гражданином бывшего Советского Союза
- 6 — Гражданином Европы
- 7 — Гражданином мира
- 8 — Другое (*напишите*) _____

2. Какому пути развития Украины Вы отдаете предпочтение? (Отметьте один наиболее подходящий вариант ответа)

- 1 — В первую очередь расширять связи в рамках СНГ
- 2 — Развивать отношения преимущественно с Россией
- 3 — Укреплять в первую очередь восточнославянский блок (Украина, Россия, Беларусь)
- 4 — Устанавливать связи в первую очередь с развитыми странами Запада
- 5 — Опирается в первую очередь на собственные ресурсы, укрепляя независимость
- 6 — Разные регионы Украины должны выбирать свой путь
- 7 — Другое (*напишите*) _____
- 8 — Трудно сказать

Чтобы помочь нам в будущем улучшить формулировки наших вопросов, ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Можете ли Вы сказать, что Вам был полностью понятен смысл заданных ранее двух вопросов (под номерами 1 и 2)?

- 1 — Полностью понятен смысл обоих этих вопросов
- 2 — Полностью понятен смысл только первого вопроса (второго — не полностью)
- 3 — Полностью понятен смысл только второго вопроса (первого — не полностью)
- 4 — Смысл обоих вопросов не был полностью понятен

2. Как Вы считаете, достаточно ли у Вас знаний для ответа на эти вопросы?

- 1 — Достаточно знаний для ответа на оба вопроса
- 2 — Достаточно знаний для ответа на первый вопрос (на второй — недостаточно)
- 3 — Достаточно знаний для ответа на второй вопрос (на первый — недостаточно)
- 4 — Недостаточно знаний для ответа на оба вопроса

3. Можете ли Вы сказать, что Вам было интересно отвечать на эти вопросы?

- 1 — Отвечал с интересом на оба вопроса
- 2 — Отвечал с интересом только на первый вопрос (на второй — без интереса)
- 3 — Отвечал с интересом только на второй вопрос (на первый — без интереса)
- 4 — Отвечал без интереса на оба вопроса

4. Уверены ли Вы в том, что выбрали ответ, лучше всего отражающий Ваше мнение по этим вопросам?

- 1 — Уверен относительно ответов на оба вопроса
- 2 — Уверен только в ответе на первый вопрос (на второй — не уверен)
- 3 — Уверен только в ответе на второй вопрос (на первый — не уверен)
- 4 — Не уверен относительно ответов на оба вопроса

5. Можете ли Вы сказать, что Ваши ответы на эти вопросы не изменятся, если Вам их зададут через несколько дней?

- 1 — Уверен, что мнение не изменится относительно ответов на оба вопроса
- 2 — Уверен, что не изменится только при ответе на первый вопрос (ответ на второй вопрос может измениться)
- 3 — Уверен, что не изменится только при ответе на второй вопрос (ответ на первый вопрос может измениться)
- 4 — Ответы на оба вопроса могут измениться

6. Можете ли Вы сказать, что никто из окружающих не повлиял на Ваше мнение во время ответов на эти вопросы?

- 1 — Никто не повлиял на мое мнение при ответе на оба вопроса
- 2 — Никто не повлиял на мое мнение при ответе на первый вопрос (в случае второго — было влияние)
- 3 — Никто не повлиял на мое мнение при ответе на второй вопрос (в случае первого — было влияние)
- 4 — Было влияние окружающих при ответе на оба вопроса

7. Есть ли какие-либо обстоятельства, которые могли помешать Вам откровенно ответить на эти вопросы?

- 1 — Нет таких обстоятельств при ответе на оба вопроса
- 2 — Есть такие обстоятельства при ответе на первый вопрос (в случае второго — нет)
- 3 — Есть такие обстоятельства при ответе на второй вопрос (в случае первого — нет)
- 4 — Есть такие обстоятельства при ответе на оба вопроса

Приложение 2

1. Как Вы относитесь к вступлению Украины в НАТО?

- 1 — Скорее отрицательно
- 2 — Трудно сказать
- 3 — Скорее положительно

2. Почему Вы поддерживаете или не поддерживаете вступление Украины в НАТО? (Отметьте все подходящие варианты ответа)

- 1 — Вступление экономически выгодно для Украины
- 2 — Вступление приведёт к дополнительным расходам государства
- 3 — Вступление укрепляет безопасность Украины
- 4 — НАТО является агрессивным военным блоком
- 5 — Вступление укрепляет авторитет Украины в мире
- 6 — Вступление направлено против России
- 7 — Членство в НАТО уменьшает влияние России на Украину
- 8 — Вступление усиливает зависимость Украины от западных стран
- 9 — Украина должна оставаться внеблоковой (нейтральной) страной
- 10 — Другое (*напишите*) _____
- 11 — Трудно сказать

3. Чем, по Вашему мнению, является НАТО? (Отметьте один вариант ответа)

- 1 — Оборонительный союз
- 2 — Агрессивный военный союз
- 3 — Миротворческая организация
- 4 — Другое (*напишите*) _____
- 5 — Трудно сказать

4. Защитил бы блок НАТО Украину в случае агрессии или угрозы агрессии со стороны иностранного государства?

- 1 — Да, защитил бы в любом случае
- 2 — Да, если бы мы были его членом
- 3 — Нет
- 4 — Трудно сказать

Чтобы помочь нам в будущем улучшить формулировки наших вопросов, ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Скажите, пожалуйста, насколько Вам в целом был понятен или не понятен смысл вопросов о НАТО (под номерами 1–4)?

- 1 — Полностью понятен
- 2 — Скорее понятен
- 3 — Трудно сказать, понятен или нет
- 4 — Скорее непонятен
- 5 — Совсем не понятен

2. Интересно или не интересно было Вам отвечать на эти вопросы?

- 1 — Интересно
- 2 — Скорее интересно
- 3 — Трудно сказать, интересно или нет
- 4 — Скорее не интересно
- 5 — Не интересно

3. Как Вы считаете, достаточно или недостаточно у Вас информации для того, чтобы ответить на эти вопросы?

- 1 — Вполне достаточно
- 2 — Скорее достаточно
- 3 — Трудно сказать, достаточно или нет
- 4 — Скорее не достаточно
- 5 — Совсем не достаточно

4. Уверены Вы или не уверены, что ответы, которые Вы выбрали, лучше всего отражают Ваше мнение?

- 1 — Вполне уверен
- 2 — Скорее уверен
- 3 — Трудно сказать, уверен или нет
- 4 — Скорее не уверен
- 5 — Совсем не уверен

5. Как Вы считаете, изменятся или не изменятся Ваши ответы на вопросы о НАТО, если Вам зададут их через несколько дней?

- 1 – Не изменятся
- 2 – Скорее не изменятся
- 3 – Трудно сказать, изменятся или нет
- 4 – Скорее изменятся
- 5 – Изменятся

6. Как Вы считаете, окружающие повлияли или не повлияли на Ваше мнение во время ответов на эти вопросы?

- 1 – Не повлияли
- 2 – Скорее не повлияли
- 3 – Трудно сказать, повлияли или нет
- 4 – Скорее повлияли
- 5 – Повлияли

7. Есть ли какие-нибудь обстоятельства, которые могли помешать Вам откровенно ответить на эти вопросы?

- 1 – Есть такие обстоятельства
- 2 – Скорее есть
- 3 – Трудно сказать, есть или нет
- 4 – Скорее нет
- 5 – Нет таких обстоятельств

Приложение 3

1. Можете ли Вы сказать, что Вам был полностью понятен смысл большинства вопросов анкеты?

- 1 – Смысл большинства вопросов анкеты мне полностью понятен
- 2 – Не могу сказать, что смысл большинства вопросов анкеты мне полностью понятен

2. Как Вы считаете, достаточно ли у Вас знаний для ответа на большинство вопросов анкеты?

- 1 – У меня достаточно знаний для ответа на большинство вопросов анкеты
- 2 – Не могу сказать, что у меня достаточно знаний для ответа на большинство вопросов анкеты

3. Можете ли Вы сказать, что отвечали на большинство вопросов анкеты с интересом?

- 1 – Я отвечал(а) с интересом на большинство вопросов анкеты
- 2 – Не могу сказать, что отвечал(а) с интересом на большинство вопросов анкеты

4. Уверены ли Вы в том, что смогли для большинства вопросов анкеты выбрать ответ, лучше всего отражающий Ваше мнение?

- 1 – Уверен(а)
- 2 – Не уверен(а)

5. Можете ли Вы сказать, что если бы через несколько дней Вас попросили заполнить такую же анкету, то Ваши ответы на большинство вопросов анкеты не изменились бы?

- 1 — Относительно большинства вопросов анкеты мое мнение не изменилось бы
- 2 — Относительно большинства вопросов анкеты мое мнение могло бы измениться

6. Можете ли Вы сказать, что никто из окружающих не повлиял на Ваше мнение во время ответов на вопросы анкеты?

- 1 — Никто не повлиял на мое мнение при ответе на вопросы анкеты
- 2 — На меня влияли окружающие при ответе на вопросы анкеты

Литература

1. Батыгин Г.С. Как невозможна социология морали // Оправдание морали. — М.; Тюмень, 2000. — С. 108–119.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В. Психология человеческого взаимопонимания. — К., 1990.
3. Панина Н.В. О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 3. — С. 21–43.
4. Alreck P.L., Settle R.B. The Survey Research Handbook. — Homewood, 1985.
5. Мангейм Д.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. — М., 1997.
6. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. — М., 2003.
7. Miller D.C. Handbook of Research Design and Social Measurement. — Newbury Park; London; New Delhi, 1991.
8. Рабочая книга социолога. — М., 1976.
9. Волович В.И. Надежность информации в социологическом исследовании. Проблемы методологии и методики. — К., 1976.
10. Саганенко Г.И. Социологическая информация: статистическая оценка надежности исходных данных социологического исследования. — Л., 1979.
11. Паниотто В.И. Валидность социологической информации // Социологический справочник. — К., 1990. — С. 195–198.
12. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. — London, 1964.
13. Jary D., Jary J. The Harper Collins Dictionary of Sociology. — New York, 1991.
14. Marshall G. A Dictionary of Sociology. — Oxford; New York, 1998.
15. Abercrombie N. et al. The Penguin Dictionary of Sociology. — London, 1994.
16. Jonson A.G. The Blackwell Dictionary of Sociology. — Padstow, 2000.
17. Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А–Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. — М., 2000.
18. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Том 1 (А–О) / Пер. с англ. — М., 1999.
19. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. — М., 1987.
20. Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. — San Diego; New York, 1991.
21. Хайтун С.Д. Количественный анализ социальных явлений. Проблемы и перспективы. — М., 2005.
22. Оссовський В.Л. Проблема ідентифікації громадської думки // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 6. — С. 36–52.

23. *Рукавишников В.О., Паниotto В.И., Чурилов Н.Н.* Опросы населения. — М., 1984.
24. *Назарова И.Б.* Качество опроса: факторы неответов // Социологические исследования. — 1999. — №1. — С. 108–114.
25. *Мяжков А.Ю.* Использование экспертных оценок при диагностике неискренних ответов респондентов // Социологический журнал. — 2002. — № 3. — С. 98–111.
26. *Погосян Г.А.* Метод интервью и достоверность социологической информации. — Ереван, 1985.
27. *Manfield M.* AAPOR Standards Committee Study of Validation Practices: Pilot Study of Designs, Introductions, Questions and Practices // Public Opinion Quarterly. — 1971–1972. — № 4. — P. 627–635.
28. *Gergen K., Back K.* Communication in the Interview and the Disengaged Respondent // Public Opinion Quarterly. — 1966. — № 3. — P. 385–398.
29. *Мяжков А.Ю.* Социально-демографические переменные в социологическом исследовании: оценка достоверности самоотчетов респондентов // Социологический журнал. — 2001. — № 3. — С. 88–100.
30. *Bradburn N.M., Sudman S., Blair E., Stoking C.* Questions threat and response bias // Public Opinion Quarterly. — Vol. 42. — Summer 1978. — № 2. — P. 221–234.
31. *Sharp L.M., Frankel J.* Respondent Burden: A Test of Some Common Assumptions // Public Opinion Quarterly. — Vol. 47. — Spring 1983. — № 1. — P. 36–53.
32. *Cannel C.F., Axelrod M.* The Respondent Reports on the Interview // The American Journal of Sociology. — Vol. LXII. — September 1956. — № 2. — P. 177–181.
33. *Hahn R.* Interactional Troubles in Face-to-Face Survey Interviews: Comment // Journal of the American Statistical Association. — Vol. 85. — № 409. — 1990. — P. 244–246.
34. *Blumstein P.* Subjectives Probability and Normative Evaluations // Social Forces. — Vol. 52. — № 1. — 1973. — P. 98–107.
35. *Litwin M.* How to Measure Survey Rliability and Validity. — L.; New Delhi, 1995.